

Оглавление

ГЛАВА 1. Особенности существования Деда Мороза	5
Троллейбус, пенсионеры и прочие несчастья	14
Куриные ошибки	30
Идеи для подарка настоящим мужчинам	43
Худшее событие года	63
ГЛАВА 2. Неожиданное свойство желаний исполняться	92
Совпадение, совпадение, закономерность	101
Пыль на елочных игрушках	116
Фантастика	129
Двухпроцентный чай	139
ГЛАВА 3. Китайская пытка водой	183
Родина Деда Мороза	192
Предубеждение и отсутствие гордости	218
ГЛАВА 4. Отрицание	248
Гнев	253
Торг	272
Депрессия	278
Принятие	293

ГЛАВА 5. Вес улыбки	296
Предупрежден — вооружен	299
Совращение	309
Трудности детства мужчин	316
Пижама с динозаврами	327

Глава 1

Особенности существования Деда Мороза

Я проснулась недовольная. Абсолютно естественное явление, если у тебя такая жизнь, как у меня.

Я много чего ненавижу. Но больше всего — когда меня трогают после пробуждения. Жаль, Ярослав этого не понимает. Он не только кричит мне на ухо «доброе утро!», но и выдергивает из-под головы подушку.

Но что взять с младших братьев? Ярик — дьявол во плоти. Все остальные почему-то так не считают. Думают, будто Ярик — милый маленький мальчик, а я — ведьма. Ну что же, у всех есть право на свое мнение, даже если оно неправильное.

В общем, даже сегодня, в ужасное утро тридцать первого декабря, Ярослав примчался ко мне в комнату ни свет ни заря. Голос у него тонкий, поэтому у меня есть сомнения на счет того, правда ли он мальчик. И неважно, что Ярику всего четыре года.

— Алиса! — произнес он так складно, что я притворилась спящей и открыла один глаз.

Обычно Ярик называет меня «Ала». Ему, видите ли, тяжело полностью произносить мое имя. Не по-

нимаю, что в нем сложного. Я его имя сразу сказала без проблем. И нет, меня не оправдывает, что в момент рождения Ярослава мне было восемнадцать лет. Просто я все стараюсь делать хорошо, такой уж я человек.

— Что, бесенок?

Ярослав влез на кровать и потянулся ко мне. Я отползала сколько могла, а потом вжалась в стенку, и Ярослав все-таки настиг меня.

— Что такое «бесенок»? — спросил он.

Я чуть не застонала. Правило старших сестер номер один — не произноси тех слов, которых не знает твой младший брат, чтобы потом не пришлось объяснять значения. Особенно если не знаешь их.

— Это ты, — сказала я.

Захотелось улыбнуться, ведь я так легко отвертелась от вопроса. Но моя жизнь — не то событие, когда хочется улыбаться. Особенно моя жизнь утром перед сменой.

Ярик завис. Он смотрел мне в глаза с десятков секунд. Размышлял. Когда Ярик молчит, я могу понять, почему родственники считают его ангелочком. Он красивый. Маленькие дети почти все симпатичные, но Ярик особенно. Я думала, что после меня у родителей не останется красоты, чтобы передать ее второму ребенку, но, оказывается, на мне они сэкономили.

У Ярика голубые глаза, которые, скорее всего, станут зелеными, как у нашего папы. А еще Ярик белобрысый. Мама говорила, у меня в его возрасте были такие же волосы. Очень жаль, что они потемнели и стали каштановыми. Они не такого темно-коричневого цвета, как у коней... Нет, не буду сравнивать

себя с лошастью. В общем, моя шевелюра не такого благородного оттенка, как у моделей в рекламе шампуня. У моих волос серый подтон. Такой цвет есть только у меня и у мышей, которые слишком долго загорали. Поэтому мне приходится жечь волосы краской. И раз уж я решила их красить, то теперь они белые, как первый снег. Сухие, посеченные, разной длины, но я блондинка, и это больше соответствует состоянию моей души.

— А кто я? — сказал Ярик, когда загрузился.

Это подтолкнуло меня к философским размышлениям.

— Ты будешь задаваться этим вопросом всю жизнь.

Ярик снова заглянул. Я испугалась, что такими темпами его маленький мозг перегорит, и потому продолжила:

— Бесенок — это такой вымышленный персонаж. Он очень вредный. Приходит к старшим сестрам в кровать, когда они еще спят, и достает их... Понял?

Ярик кивнул. Он придвинулся ближе и сел мне на ногу. Было не тяжело и не больно, но я все равно скривилась и спихнула Ярика, чтобы не привыкал так на мне сидеть. Он же вырастет когда-нибудь и станет весить сто килограммов. А может и все сто двадцать, если мама не прекратит готовить такое количество блюд на Новый год. И тогда моя нога не сможет быть его сиденьем — сломается.

— Ты старшая сестра? — спросил Ярик ни с того ни с сего.

Теперь кивнула я, не понимая, какой вопрос готовит для меня его крошечная голова.

— Получается, к тебе в кровать приходят бесята?

Я поджала губы и не ответила. Бесов в моей кровати не было уже давно. Непонятно только, почему этот вопрос интересует моего четырехлетнего брата.

— Все, брысь! — сказала я, натягивая одеяло так, чтобы Ярославу было не удобно сидеть. — Я еще хочу поспать немного, а ты меня бесишь.

Ярик перекатился на бок, кажется, не думая уходить. Он залепетал что-то бессвязное, а я закрыла глаза, надеясь, что он подумает, будто я заснула. Чтобы уговорить ребенка, нужно его игнорировать. Я бы записала эту истину в правила старших сестер, но, кажется, она больше подходит для правил плохих родителей.

Мои актерские способности не впечатлили Ярика — он не поверил, что я сплю. Ярик тыкал в мою спину пальчиками, что можно было расценить как массаж, если не придирааться. Но когда он стал дергать меня за волосы и просить поговорить с ним, я разозлилась.

— Отстань! — сказала я, откидывая одеяло.

Я надеялась, что таким образом удастся «случайно» стукнуть его по голове. Но Ярик увернулся. Увидев мое перекошенное лицо, он захохотал, как умеют хохотать только четырехлетние мальчики. Меня такой смех бесил. Меня вообще любой смех бесил, если смеялись надо мной.

— Да закройся ты!

Ярик попытался смяться, но делать это по кровати неудобно. Я поймала его за ногу и дернула на себя. Ярик шлепнулся лицом в матрац, отчего захохотал еще сильнее.

— Если будешь вредничать, — пригрозила я. — Дед Мороз не придет.

Ярик замер и замолчал. Правда, этой прекрасной тишиной я наслаждалась всего несколько секунд.

Тема Деда Мороза была для брата болезненной, и я это прекрасно знала.

— Придет, — сказал он обиженно, и эта интонация была мне так приятна, что я улыбнулась.

— Не придет, — насладившись паникой на лице Ярика, я добавила: — Если будешь плохо себя вести.

Ярик вырвал ногу из моих рук и вскочил на кровати. Он сложил руки на груди, топнул, отчего едва не завалился, и крикнул:

— Придет! Он ко всем деткам приходит! Это к тебе он не придет, потому что ты злая!

После таких слов я уже не могла получать удовольствие от гнева на лице Ярика. Неприятно, когда маленький ребенок называет тебя злой. Он, конечно, прав, но... Неважно.

Я смирилась с мыслью, что больше не поплюю, и спустила ноги на пол. Ярик наблюдал за мной, и, могу поспорить, я слышала скрежет его молочных зубов.

— Я не нуждаюсь в подачках старого деда, — сказала я, поднимаясь с кровати. — А к тебе он не придет, потому что ты балуешься. Деду Морозу, знаешь ли, времени может не хватить и на то, чтобы ко всем хорошим детям прийти за одну ночь. А ты плохой. К тебе он точно не успеет.

Не знаю, на что Ярик обиделся больше. На то, что я назвала его любимого персонажа старым дедом, или самого Ярика плохим, а может на сомнения в том, что они встретятся сегодня ночью. Но Ярик спрыгнул с кровати и понесся ко мне. Я стояла перед зеркалом и брала расческу, когда он выдернул ее из моих рук и стал лупасить ею мои ноги. Удары Ярика были сильными, словно он уже тот стокилограммовый мужик, выращенный на оливье.

Сперва я попыталась остановить Ярика, наклонилась к нему, чтобы схватить за руки. Но он, воспользовавшись ситуацией, стукнул меня расческой по лицу. На мгновение в глазах потемнело. Ото лба боль вспышкой прошла до пяток. Я даже пошатнулась от неожиданности. И да, я очень разозлилась.

В таком состоянии я легко отобрала у Ярика расческу и шлепнула его по попе. Потом я закричала, сама того не желая:

— Знаешь что? Нет никакого Деда Мороза! Вот поэтому он к тебе не придет! Это все мама с папой! Они кладут тебе подарки под елку! И это они твое письмо Деду Морозу из морозилки достали!..

Мне хотелось еще много всего сказать. Про зубную фею и про волшебника с его дешевыми фокусами, который был у Ярика на четвертом дне рождения. Остановилась я не по своей воле. Просто Ярик сказал:

— А как же... Как же следы? Я видел следы из снега. От двери к холодильнику...

В глазах Ярика стояли слезы. Его нижняя губа дрожала. Меня всегда бесило, когда он так делал. Поэтому я, нисколько не проникшись этим детским отчаянием, заявила:

— Они были из муки. И, если ты не заметил, вели в одну сторону. Думаешь, Дед Мороз испарился? Ну... Он мог бы, конечно... Если бы существовал.

Ярик шумно втянул соплю. Я скривилась. Мне и свои соплю не приятны, а тут — чужие, едва не упавшие на ковер.

— Это же неправда? — спросил он, заглянув мне в лицо своими по-детски большими глазками.

— Правда. Хочешь, пойдешь у мамы спроси.

Последнее было ошибкой. Ярик развернулся и помчался к двери, топя так, что, наверное, сосе-

ди снизу проснулись, если их еще не разбудили мои крики.

Когда дверь за ним захлопнулась, я поняла, что совершила ошибку. Ярику всего четыре года. Ему не стыдно верить в Деда Мороза еще лет пять.

Мне едва не стало совестно оттого, что я разрушила веру в волшебство маленькому мальчику. Но тут же поняла, что это была полностью вина Ярика. Он знает, что я ненавижу, когда он приходит меня будить. И бить расческой старшую сестру — невежливо.

Впрочем, эти неоспоримые аргументы растаяли, когда я почувствовала неприятный свербеж в области сердца. Еще больше их подогрело мельтешащее перед глазами заплаканное лицо Ярика и громкий мамин крик.

— АЛИСА! — раздалось из кухни.

Ох уж этот Ярик. Сразу настучал на меня. А ведь я за него всегда горой!

— Что? — крикнула я.

Хотя этот жалкий звук нельзя было назвать криком. Скорее, бляньем.

Мама не отвечала. Это значило только одно — она готовится к моей казни. Ну или что мне нужно подойти.

Я, скорее всего, последний раз в жизни глянула в зеркало. Оттуда на меня посмотрело два прищуренных карих глаза. Ярик сам виноват. И точка.

Я поплелась на кухню. Я как могла тянула время, чтобы подольше не показываться маме. Но двери в мою комнату и в кухню — соседние. Поэтому мама не успела остыть к тому времени, как я пришла.

Она стояла у плиты и ставила отваривать яйца рядом с картошкой, которая уже недовольно булькала. Как и я.

Яиц было десять. Я не понимала, зачем столько на семью из трех с половиной человек. Кто будет их резать? Не я, у меня на сегодня большие планы. Неужели мама заставит папу нарезать оливье? Вряд ли. Она приготовит все сама и поэтому ляжет спать в первые полчаса нового года. Впрочем, это не моя забота, так что нет смысла расстраиваться.

Ярик обнял мамину ногу и спрятал лицо в складках передника. Тот был мокрым. Уж не знаю, из-за того, что мама чем-нибудь облилась, или из-за слез Ярика.

— Доброе утро, — произнесла я, хотя совсем так не считала.

— Зачем ты сказала Ярославу, что Деда Мороза не существует?

Тон мамы мне не понравился. Мне вообще часто не нравился ее тон, когда она обращалась ко мне. Будто я враг народа. Хотя сейчас я скорее враг волшебства.

— Так это правда? — сказал Ярик, оторвавшись от передника.

Мама не обратила на него внимания. Она выжидающе смотрела на меня. Я не знала, что ответить.

— Он сам меня вынудил..

— Да что ты говоришь? — Рука мамы уперлась в бок. — И что же он такого сделал?

— Ударил меня расческой.. Несколько раз!

Я мельком осмотрела ноги, но синяков Ярик не оставил. Уж лучше бы оставил, а то мама мне не верит.

— Это правда, что она сказала, да? — повторял Ярик. — Правда? Следы были из муки?

Услышав про следы, мама нахмурилась еще больше.

— Нет, — сказала она. — Алиса пошутила.

Мама попыталась разжать пальчики Ярика на своей ноге, но тот не сдавался.

— Правда, да, правда! — говорил он тоненьким голоском, который граничил с ультразвуком.

В этот раз мама не ответила. Она направилась ко мне, схватила под руку, и мы вдвоем вышли из кухни. Захлопнув дверь, мама спросила:

— Зачем ты это сделала?

Она говорила шепотом, но так громко, что Ярик с легкостью услышал бы нас, если бы не выл.

— Да говорю же, он меня вывел! Я просила его не заходить в мою комнату, а он...

— Алиса, — перебила мама. — Ты не имела право так делать. Он же еще малыш.

Теперь мама говорила ровным тоном, но менее грозным он не стал. Отвечать не хотелось. Почему жизнь так несправедлива? Ярик избил меня, а ругают тоже меня.

— Ему четыре года, — продолжала мама. — Всего четыре года.

— Но мам! — сказала я. — Он...

Мама снова меня перебила. И спрашивают потом, в кого я такая грубая.

— Ты поступила эгоистично. Как мне теперь ему объяснить, что ты не имела в виду то, что сказала?

Думаю, главная загвоздка была в том, что я, собственно, имела в виду то, что сказала. Но говорить этого маме не хотелось. Она уже выглядела так, словно не видела смысла покупать куриную грудку на оливье, если у ее дочери есть две целых ноги.

— Мам... — снова начала я, но и в этот раз она меня перебила.

— Иди собирайся на работу.